Пальцы Эммы плотно обхватили воротник рубашки Продиджи, крепко прижимаясь к нему, когда она простонала: "Трахай сильнее. Ты соскальзываешь". Она лежала под ним, но почему-то лежание на спине не делало ее менее доминирующей, чем если бы она психически обездвижила его и использовала как живой фаллоимитатор. Ее великолепное тело извивалось, когда она смотрела на него сверху, глаза сузились, доказывая, что она самая мощная из властных нижних. "Уже утро, у тебя нет оправдания для этого".

"Ты разбудил меня, чтобы я трахнула тебя до начала занятий, у меня точно есть оправдание". Вундеркинд застонал, вцепившись в плечи светловолосой директрисы, лежа на ней и впиваясь в нее так сильно и быстро, как только мог для того, чье тело все еще казалось спящим. Послание экстрасенса пробудило его ото сна, и мысленное внушение обеспечило, что он очень быстро отправился в спальню Эммы за тем, чего она хотела. Его тело горело от внезапного и сильного вожделения, которое полностью коренилось в том, что Эмма дергала его за ниточки. Следующее, что он осознал, это то, что он был на ней сверху, уверенно вколачиваясь в ее смазанную киску так рано, что солнце еще не вышло и не заглянуло в ее спальню. Скотта нигде не было в ее постели, которая была пуста, не считая их, что, возможно, и послужило причиной ее экстрасенсорного звонка. "Не могла бы ты использовать свои экстрасенсорные способности, чтобы шокировать мое тело и заставить его проснуться или что-то в этом роде?"

"Могу", - ответила Эмма, оставив все как есть, и притянула его губы к своим. Она не стала делать этого, просто прижалась к нему и покачала бедрами вверх, вкладывая часть своей силы в жаркое трение между ними. Это было как раз то, что ей нужно с утра, хотя она не спала, так что вместо этого была самая дальняя, самая глубокая ночь. Не то чтобы это имело большое значение; она была возбуждена, и возможность показать свое превосходство над Продиджи, заставив его трахать ее, была тем наслаждением, в котором она нуждалась больше всего на свете. Толстый член, глубоко вонзившийся в нее, пришелся как нельзя кстати, даже если его толчки не были такими пылкими, как обычно. Она привыкла к лучшему, но его тело спало, и ей больше нравилось заставлять его биться в разочаровании от этого факта, чем делать что-либо, чтобы привести его в движение.

Отсутствие реакции на это заставило Дэвида застонать сильнее, ведь она играла с ним с таким нетерпением. Он продолжал наступать, прилагая все усилия, чувствуя, как его тело становится более сонным и тяжелым, чем когда-либо прежде, почти как будто она удерживала его, чтобы насладиться возможностью поиграть с ним. Он бы вряд ли пропустил это мимо ушей, но он ничего не мог с этим поделать, кроме как продолжать и надеяться, что он оставил ее наполовину удовлетворенной, когда пришло время уходить, просто для того, чтобы потом не пришлось вымещать на нем свои неудачи. "Я думала, что ты должен был научить меня чему-то с помощью этого, но я не вижу здесь никакого урока".

"О, извини. Неужели моя вагина недостаточно познавательна?" Эмма впилась ногтями в его руку, ее лицо стало свирепым, загорелось агрессивной яростью, она двигалась все быстрее и сильнее, движимая неистовым желанием заставить его работать так грубо, как ей было нужно. Его замечания были вознаграждены яростью и огнем, но она знала, что ему это нравится, что он пытается подтолкнуть ее к тому, чтобы она двигалась быстрее и подхватывала слабину за него. В другие ночи она бы не осмелилась поддаться и позволить ему это, но в эту она была слишком возбуждена, чтобы не броситься на него беззаботно, желая прежде всего получить удовольствие, а все остальное было далеко на втором плане. Заставлять Дэвида страдать, как бы весело это ни было, не было для нее развлечением. По крайней мере, не так быстро, как ей

было нужно, учитывая напряженный день, который ей предстоял, количество встреч и обязанностей директрисы. Ей нужно было многое сделать, а времени на трах не было, что и привело к такому плачевному положению дел.

Крепкая хватка на его руке помогла подтолкнуть его к краю, и стонущий, неистовый Дэвид, наконец, вспыхнул жизнью во время последних нескольких толчков, дикого траха, который оставил Эмму в шоке настолько, что она тоже потеряла себя, и они оба нашли свое освобождение быстрым и бесцеремонным, отчаянно сжимая друг друга. Киска Эммы, сжимавшаяся вокруг члена Дэвида, была той уступкой его размерам и, по общему признанию, сонным талантам, которую Эмма не хотела делать, но ее голова откинулась назад, и она задыхалась, прежде чем смогла успокоиться, открыто празднуя эту реакцию с большей энергией, чем она предполагала, так как ее кровь налилась силой. Она сгорала от желания, и их кульминация оказалась сильнее, чем она могла выдержать, когда они бились друг о друга, горячие струи спермы проникали глубоко в ее киску, заставляя ее извиваться и корчиться в агонии.

Продиджи и сам не мог в это поверить. Он никогда не ожидал, что может трахать ее так сильно, довести ее до такого отчаяния и голода, что она будет такой расхристанной, такой уязвимой. Он уже много раз видел, как Эмма кончает, их "уроки" всегда включали в себя то, что она много раз кончала, но это было что-то другое, что-то удивительное и интригующее. Когда он смотрел на Эмму, он видел шанс наконец-то найти способ отомстить ей; он еще не знал, как и когда, но однажды Дэвид возьмет себя в руки и трахнет ее так сильно, что она перестанет быть надменной, холодной сукой, которая только что безжалостно доминировала над ним, и о, что это будет за день.

"Это было неплохо", - сказала Эмма, что было большим преуменьшением, учитывая то, как подергивались ее ноги. Она списала потерю спокойствия на усталость, то самое отчаяние, которое побудило ее позвать его в свою комнату. Это было слабое оправдание, но когда она оттолкнула его, именно с этим оправданием она и пошла, застыв на месте. "А теперь иди, приведи себя в порядок и убедись, что ты придешь на занятия вовремя. Я узнаю, если ты не придешь, и это не сулит тебе ничего хорошего".

Несмотря на то, что именно она разбудила его в четыре утра и вообще создала проблему, Дэвид знал, что не может спорить с Эммой, вылез из нее и стал искать свои брюки. "Я буду в классе, обещаю". Было слышно, как она ворчит, но не было смысла пытаться бороться с этим. Он просто постарался как следует выспаться и явился на занятия полусонным, насколько это было возможно.

http://erolate.com/book/1995/54960